

Повесть от смерти

Время бежит, и мы стараемся как можно больше успеть приобрести, заработать, накопить, отложить и т.д. Вечно куда-то спешим, не замечая ничего вокруг себя. Материальное благополучие становится смыслом жизни, духовное отходит на второй план. Современного человека заставит остановиться, задуматься, обратиться с молитвой к Богу может только нужда, горе, скорбь. При этом открывается другой мир, словно в зеркальном отражении, противоположность настоящему — где материальное тлен и прах, на первый план выходит духовное, душа. Слова сострадание, милосердие, приобретают новый смысл.

Воспоминания маленькой пациентки заставляют задуматься о смысле жизни, о скоротечности времени, и хрупкости бытия.

В 1997 году моя жизнь разделилась на «до» и «после». Наверное, если смотреть со стороны, то не произошло ничего решающего — я отлежала три недели в областном отделении детской гематологии. Но могли изменить в жизни тринадцатилетнего ребёнка три недели? Но эти три недели перевернули мою жизнь, и она уже никогда не станет такой, какой была до этого.

Когда я впервые перешагнула порог отделения детской гематологии, то даже не представляла себе, что это такое. В моём мозгу с трудом совмещались такие понятия, как «дети» и «рак». Поначалу мне казалось, что и отделение это совершенно обычное, и дети тут такие же, как и везде. Но дня через два я стала ощущать разницу. Лысая детвора произносила слово «смерть» так же обыденно, как и слово «завтрак». Казалось, что и сама смерть висит тут где-то в воздухе. Её буквально ощущаешь кожей. А ещё тут неимоверным образом сосуществовали отчаяние и безграничный оптимизм. Я слышала, как одни дети говорили: «Я лучше умру, чем снова соглашусь капать химию», — а другие, весело поглаживая лысую после химиотерапии голову, шутили, что впереди существенная экономия на шампуне.

А ещё глаза... глаза этих детей меня поразили больше всего. В этих глазах иногда проскакивала неимоверная боль... Она появлялась какими-то вспышками, как будто пеленой застилались глаза на несколько секунд, а потом снова в этих глазах зажигался огонёк жизни. Это была не только физическая боль, которая для большинства здешних обитателей стала частью повседневной жизни. Это в большей степени была боль душевная, боль памяти о том кошмаре, который вихрем периодически налетает на отделение и напоминает о том, что все смертны, даже дети...

За неделю я настолько тонко прочувствовала всю атмосферу этого отделения, что стала постигать то, что было совершенно ясно постоянным обитателям... Я мало что понимала умом, но сердце моё знало, что это страшное место, из него надо выбираться... Моя душа требовала возвращения в нормальный мир, где всё было так легко и понятно. Где не было этого гнетущего предчувствия беды.

Был как раз двадцать первый день моего пребывания в гематологии. Через стеклянные двери палаты я увидела, как врачи побежали в палату напротив. Именно побежали, что было в отделении не принято. Потом я увидела, как туда понесли капельницу, медсестра что-то кричала в телефонную трубку. Из палаты вышла молодая девушка. Это была сестра новенького мальчика, которая осталась с братом, пока их мать повезла анализы для подтверждения диагноза. Девушка плакала...

На палату напротив повесили белую простыню. Я уже достаточно хорошо знала это отделение, чтобы понять этот знак — за той дверью кому-то очень плохо, поэтому стекло завешивают простынёй, чтоб другие дети не видели. Врачи забегали в палату и выбежали, я заметила, что на руках у них была кровь... много крови. Потом в палату завезли инвалидную коляску. Когда простыня на двери отодвинулась, оттуда вывели парня. Бледный белокурый мальчишка лет четырнадцати, в списке больных в графе «диагноз» у него стояло таинственное «о. л.». Все в отделении знали, что означает это сокращение, только врачи и родители упорно делали вид, что дети не знают о своих диагнозах и диагнозах соседей. Мальчик сидел на коляске, поджав ноги к животу (поскольку на коляске не было подножек — с подножками она не помещалась в лифт). На нём была белая футболка и шорты. Футболка была белой когда-то... сейчас она вся была алой, и лишь небольшие участки на рукавах выдавали истинный её цвет. Возле лица мальчик держал сложенную пелёнку. Пелёнка эта тоже была вся алая и насквозь мокрая. На лице, руках, ногах — везде была кровь. Она буквально фонтаном ударила из носа, когда он на мгновение убрал пелёнку от лица. Когда его провозили мимо дверей моей палаты, я увидела, как он чуть сильнее прижал пелёнку к лицу. При этом между пальцами полились ручейки крови. Пелёнка была пропитана кровью до последней нитки... Мальчика везли в реанимацию. Я услышала, как кто-то из ребят в отделении сказал: «Это конец...» Это позже я узнаю, что в реанимацию детей из нашего отделения переводят в исключительных случаях, и чаще всего они оттуда уже не возвращаются.

Где-то через полчаса я услышала, что коляска едет по коридору. И тут же увидела, как мимо двери моей палаты провезли этого мальчика. Он не плакал... В его глазах, кажется, даже не было страха. Там было только полное непонимание того, что происходит. А происходило то, что в реанимации, видя, насколько плохо дело, просто отказались брать его в отделение. Ведь за каждую смерть отделению приходится отчитываться. Для реанимации этот мальчик, умирающий от кровотечения, был лишь статистической единицей. Крайне нежелательной единицей. Его просто не взяли в реанимацию, сказали, что лучше ему будет умереть в отделении... Только наша медицинская система могла породить такие традиции. Мучительная смерть от кровотечения в обычном отделении, где не могли обеспечить хотя бы изоляцию умирающего ребёнка от остальных, была лучше, чем ухудшение статистических показателей.

Когда мальчика завозили в палату, он придерживал рукой простыню. На белой простыне остался кровавый отпечаток детской ладони...

Врачи снова забежали в его палату... я видела, как медсёстры каждые 10-15 минут заносили туда новые бутылки растворов для капельницы. Мальчик терял огромное количество крови, и её надо было чем-то замещать. Но на станции переливания не было такого количества крови, чтобы капать ему. А потратив всю кровь на этого ребёнка, врачи поставили бы под удар жизни ещё десяти человек в отделении, которым тоже в любой момент может понадобиться переливание. Поэтому вместо крови ребёнку капали просто соляной раствор...

Я не слышала из палаты голоса мальчика. Слышала только отрывистые команды врачей принести то или другое. Сестра мальчика всё так же сидела возле поста. Её лицо было совершенно каменное, слёзы лились не переставая. Она смотрела в одну точку на противоположной стене, не замечая проходивших мимо людей. Иногда её губы шевелились, но не было слышно, что она говорила. Может быть, она шептала молитву...

Всё отделение замерло. Санитарки вытирали на полу кровавые полосы, которые оставила коляска. Они старались сделать это побыстрее, пока никто из детей не заметит, но все уже всё поняли. Дети собрались в столовой кучкой, и в глазах у них застыл панический страх. Смерть каждого в этом отделении — разрушение надежд всех остальных выйти отсюда живым.

Иеродиакон Савва (Гамалий): Невозможно без содрогания читать эти истории. Всякий раз, сталкиваясь с такими страданиями людей, человек ужасается, его сердце готово кричать: «Почему? Зачем? Так не должно быть!» Каждый, даже неверующий, знает, что не для страдания существует человек. Только из-за греха, из-за отпадения от Бога смерть, боль и страдания вошли в мир. Но почему дети? почему невинные? почему? почему?... — хочется выбить у Неба ответ. Не знаю, может, ради того, чтобы отлепиться от земли и искренне воззвать к Небу: почему? Может быть, для того, чтобы понять и полюбить Христа. Наверное, только тот, кто сам страдает, может понять Христову жертву. А может быть, это знак особой любви Христа к человеку, когда Он берёт его с Собой на Свою Голгофу.

Никогда не забуду, как, аккуратно отодвинув простыню, из палаты мальчика вышли все врачи и медсёстры. Все сразу... Медсестра несла в руках капельницу, в которой осталась половина раствора. Я глянула на это, и внутри всё оборвалось... Я знала, что мальчик умер. Просто знала. Я смотрела как завороженная на белую простыню с отпечатком ладони этого мальчика... Мне было страшно оттого, что вот этот след ещё не высох, а ребёнка уже нет... Я повернулась к стенке и заплакала. Заплакала по мальчику, даже имени которого я не знала.

Через несколько минут всех детей собрали в коридоре и повели «гулять», чтобы вынести тело мальчика без свидетелей. Нас вывели из корпуса и отвели к беседкам. Мы шли как под конвоем: молча, опустив глаза, не обращая внимания ни на что. Я видела на глазах у многих детей слёзы...

Мной овладело одно желание — бежать из этого страшного места. Бежать не глядя, лишь бы подальше. Я просто не могла тут больше находиться, я сходила с ума... Уйти, уйти, уйти — это снова и снова крутилось в моей голове. Дома я ничего не стала объяснять родителям. Я плакала и говорила одно: «Я больше не вернусь туда!» Никакие уговоры, ничто не могло изменить моё решение. Уже глубокой ночью, услышав, как я всхлипываю, мама присела рядом со мной. Она молчала, но я знала, что её мучит один вопрос — почему я сбежала. «Мама, там умирают! Я боюсь, что я тоже там умру!» На следующий день родители не вернули меня в гематологию...

На двери палаты белая простыня. Глубокая ночь, но там горит свет. Сквозь простыню просвечивается силуэт женщины, сидящей возле кровати. Она сидит почти неподвижно, только изредка роняет голову на грудь — она не спит уже много суток, и иногда усталость одолевает её. Женщина проваливается в сон на несколько секунд, но тут же сужасом просыпается. «Нельзя спать, нельзя! Надо следить», — эти слова она произносит снова и снова. Она сидит возле своей дочери. Возле смертельно больной дочери. Девочка бледная и очень истощённая. Она уже 2 недели не может глотать. А ещё с каждым часом нарастает дыхательная недостаточность. Ребёнок мучительно умирает от удушья. Врачи признали опухоль неоперабельной. Наташа всё ещё верила, что это не конец, что вот случится чудо и девочка поправится. Только вера в это чудо давала ей силы сидеть возле кровати не отрываясь, сутками.

Девочка находилась в полусознательном состоянии. От постоянной нехватки кислорода её сознание туманилось, она то теряла сознание, то тихо стонала. Она почти не разговаривала, на это требовалось слишком много энергии, а взять её было неоткуда. Неделю назад врачи отменили все поддерживающие капельницы. И теперь

девочку мучила не только одышка, но и дикая жажда. Иногда сквозь сон она шептала: «Вода, вода». Вода мерещилась ей, и мечтала она не о том, чтобы выжить, а о том, чтобы утолить невыносимую жажду.

Этой ночью девочке было особенно плохо. Она тяжело дышала, а временами переставала дышать на 10-15 секунд. Мать не отрывала взгляда от едва двигающейся грудной клетки. И тут начался настоящий кошмар: девочка тяжело вздохнула и... начала медленно синеть. Дыхание прекратилось. Мать с ужасом посмотрела на лицо дочери. Она подскочила со стула и стала делать искусственное дыхание «рот в рот». Она не звала никого на помощь, она знала, что это лишено всякого смысла, — заведующая отделением запретила все виды активного вмешательства... Наташа снова и снова вдыхала воздух в лёгкие своей дочери. Даже сейчас она верила, что борьба имеет смысл. И через десять минут девочка сделала несколько самостоятельных вдохов. Но через полчаса — снова остановка дыхания. И снова «рот в рот», до головокружения, до потемнения в глазах. И мысль только одна — не упасть, не потерять сознание, ведь дочке так нужен этот воздух, который сама вдохнуть она не может. Борьба продолжалась несколько часов. И когда после очередной остановки дыхания девочка открыла глаза, в них была такая боль: «Мама, оставь меня, не дыши... дай умереть... я так больше не могу», — слова девочки были еле слышны, а на её глаза навораживались слёзы.

Женщина закрыла лицо руками и отошла. Она слышала, как девочка последний раз тяжело вздохнула и утихла. Наташа беззвучно рыдала, кусая губы до крови, не чувствуя боли. Она сидела, закрыв лицо руками, несколько минут, когда вдруг подскочила. На лице у неё была решимость... она бросилась к дочке. Девочка была уже вся синяя, пульса не было. Сердце остановилось. Это был конец. Но мать знала, что ещё есть возможность это изменить. И она кинулась реанимировать дочку. Без эмоций, как робот: пятнадцать нажатий на грудную клетку, два вдоха. И так бесконечное число раз. Она не смотрела на время, не думала о том, насколько повреждённым окажется мозг дочки после столь длительной остановки сердца. Она знала одно — она должна реанимировать девочку. И вот, делая очередной «вдох», она положила руку девочке на шею и почувствовала пульс. Сердце снова билось! Она продолжала искусственное дыхание с таким энтузиазмом, как будто выиграла борьбу со смертью. Как будто вот сейчас она вернула девочку к жизни, и болезнь уйдёт, и её дочка снова будет здоровой...

Когда девочка пришла в себя, она почувствовала во рту вкус крови. Она тогда не знала, что это не её кровь, это кровь матери, которая искусала себе губы, наблюдая, как умирает её ребёнок. Девочка знала одно — её вернула мать. Снова сюда, снова в этот мир бесконечного удушья и жажды. Она не верила в утопию матери о долгой и счастливой жизни. Она не верила, что эта отвоёванная у смерти ночь имеет хоть какое-то значение.

Но мать как будто знала, ради какого будущего боролась со смертью. Она как будто знала, что пройдёт семь лет и я скажу ей спасибо за то, что не отпустила мою душу тогда. За то, что благодаря её фанатичной вере я получила возможность прожить эти семь лет, несмотря на опухоль. Семь лет тяжёлой борьбы с болезнью, но всё же семь лет жизни.

Лысый мальчик пяти лет с слимонно-жёлтыми кожей и белками глаз забежал в палату.

— Мама, мы сегодня будем капаться?

— Нет, Антоша, — потупив глаза, ответила женщина.

— Ой, как здорово! Значит, я могу целый день гулять с ребятами?

— Да, сынок, иди играй.

Мальчик вышел, а его мать расплакалась. У ребёнка был гепатит С, занесли его уже тут, в отделении, где любая инфекция для детей смертельно опасна. Для того чтобы поддержать печень и вымыть из крови образующийся в избытке билирубин, ребёнку каждый день нужно было капать глюкозу. Это значит, что на каждый день нужно было купить три бутылки глюкозы, капельницу и два шприца. Три бутылки раствора стояли на подоконнике, там же лежал один шприц...

— Где Антоша, сейчас будем капать, — в палату вошла медсестра, — а где система для капельницы?

— Люда, нет... У меня нет денег на систему... Вот, смотри, — женщина достала из-под подушки кошелек и открыла его. В кармашек была вложена фотография Антохи, где он, загорелый и весёлый, катался на качелях. Фото сделано всего лишь полгода назад, буквально за месяц до того, как у Антоны первый раз носом пошла кровь... Кошелек был пуст. Ни единой банкноты, нет даже мелочи, всю её Надя потратила на шприц, который сейчас лежал на подоконнике.

— Сочувствую. Раз нет системы, значит, не капаемся, — медсестра вышла.

Надя крутила пустой кошелек в руках. Антоша был её единственным сыном, его отца Надя не видела после того, как сообщила о своей беременности. Когда пришла беда и ребёнку поставили страшный диагноз острый лейкоз, нейрорлейкоз, — помочь им было некому. Все накопленные деньги пошли на первый прокол химии. Еду за это время они не покупали ни разу, питались больничной кашей, на которую и смотреть-то было тошно. Но приходилось выбирать: еда или лекарства. И вот настал такой день, когда и на лекарства денег уже не было... Надя перевернула кошелек, и из него со звоном выпала монетка в 5 рублей. Надя крутила монету в руках и почему-то подумала: «Жизнь моего сына стоит десятки тысяч гривен, а я за неё могу заплатить только 5 рублей...»

— Мама, а что это у тебя? — Антон заглядывал в приоткрытую дверь.

— Деньги, — с ироничной улыбкой ответила Надя. Да разве можно было назвать эту монету деньгами?

— А отдай её мне? — Антошка протянул руку. Когда-то у него была копилка, в которую он бросал такие вот монетки, собирая себе на ролик. Копилка пала первой жертвой его болезни, вместо роликов из неё взяли деньги на покупку шприцев и антибиотиков.

— На, держи! — в Надином голосе было сомнение... А вдруг именно этих 5 рублей не хватит на покупку заветной системы для капельницы...

— Мама, а что можно купить за 5 рублей?

— Коробок спичек, — ответила Надя с улыбкой. А когда Антоша выбежал из палаты, добавила, — чтоб поджечь это отделение и одним махом решить проблему. Что толку от этого отделения, если у меня и ещё десятка матерей в кошельке валяются несчастные 5 рублей...

Ирина ГАВРИШЕВА